

© 2011 г.

*РОССИЙСКИЕ ЭКОНОМИСТЫ
ОБ ЭКОНОМИКЕ КИТАЯ*

Леонид Гринин

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Института востоковедения РАН, заместитель руководителя Евро-азиатского
центра мегаистории и системного прогнозирования
(e-mail: lgrinin@mail.ru)

**СЦЕНАРИИ КИТАЙСКОГО БУДУЩЕГО:
НЕ ВОЗОБЛАДАЮТ ЛИ ФАКТОРЫ ТОРМОЖЕНИЯ?**

В статье сделаны прогнозы ближайшего развития Китая и показано, почему Китай, даже при всех возможных будущих успехах, не сможет занять в мировой системе место США. Даны характеристики современной китайской модели экономического развития, показано, в чем ее сила, а в чем ущербность. Сделан вывод, что китайская экономика при всех ее достижениях в целом остается экстенсивной, основанной на вовлечении чрезмерного количества всевозможных ресурсов и капиталов, а в смысле отдачи от инвестиций становится все более неэффективной. Автор считает, что китайскую модель развития перестроить не удастся, а темпы роста ВВП в скором времени снизятся.

Ключевые слова: китайская модель, восточноазиатская модель, ресурсозатратность, пределы роста, инфляция, экономическая сверхдержава, лидер Мир-Системы.

Наши представления о Китае не успевают за его развитием. Китайские достижения одних восхищают, других страшат, налицо также стремление использовать китайский феномен для подкрепления самых разнообразных идей и концепций. Правда и то, что писать о Китае бесстрастно стало довольно трудно. Неудивительно, что многие сценарии будущего развития Китая разнообразны и взаимоисключающи (см.: Бергер 2009: гл. 2; Жданова 2008; Бельчук 2005).

Позитивный для Китая прогноз исходит из того, что высокие темпы роста его экономики будут держаться долго, в результате чего Китай в недалеком будущем обгонит США, разрешит свои главные проблемы и станет лидером современной Мир-Системы¹. В рамках данного прогноза

¹ Мир-системный подход зародился в 60–70-е гг. прошлого века благодаря работам Ф. Броделя, А. Г. Франка, И. Валлерстайна, С. Амина и Дж. Арриги для анализа становления в течение длительного времени единой экономической системы мира. В понятии

можно выделить апологетический вариант безусловного восхищения, предсказывающий в ближайшее время наступления века Китая, и алармистский, который боится мощи этой страны и того, что она подомнет под себя Запад. Негативный прогноз, напротив, основывается на том, что экономический рост в Китае замедлится, он столкнется с трудностями, обострением многочисленных противоречий, и на этом фоне прогнозируются различные сценарии от перехода к демократии до коллапса и распада Китая (отпадение Западных автономных районов Синьцзян-Уйгурского и Тибетского и даже отделение наиболее развитых восточных провинций). Также проигрываются очень разнообразные и порой фантастические геополитические сценарии: от войны Китая с США и Индией до союза с США или Индией, чтобы диктовать миру свою волю. Общеизвестны также опасения аннексии Сибири, войны за Тайвань и т.п.

Для темы настоящей статьи, однако, важно отметить, что взаимоисключаемость прогнозов происходит не только из особенностей восприятия китайской действительности разными авторами и недостаточности информации о внутренних процессах в Китае. Она связана также с весьма противоречивыми тенденциями его развития. Определить, какие из этих тенденций победят и как трансформируются, очень сложно. Вариаций может быть много. Вот почему, образно говоря, китайская карта в мировой колоде остается джокером и при разном раскладе способна превратиться в любую карту. При этом скорее правы те, кто говорит, что Китай и сам не знает, чего от него ждать, чем те, кто предполагает, что китайцы уже просчитали все лет на пятьдесят вперед (какие-то глобальные планы у китайского руководства наверняка имеются, но скорее всего не очень определенные).

Китайская тема, в каком бы измерении ее ни взять, необъятна. В настоящей статье сделана попытка показать, почему Китай, даже при всех возможных будущих успехах, не сможет занять в Мир-Системе место США. Обоснование этой идеи потребовало показать наиболее важные особенности китайской модели развития, а также сделать некоторые прогнозы ближайшего развития Китая. Мы покажем, в чем сила, а в чем ущербность современной китайской модели экономического развития; можно ли ее перестроить; почему в сравнительно скором времени темпы роста ВВП снизятся, и наконец, по каким причинам это было бы гораздо

«Мир-Система» необходимо учитывать оба аспекта: «мира», то есть масштабности в пространстве и времени, и «системы», то есть особой значимости внутренних связей и взаимодействий (Гринин, Коротаев 2009; Гринин 2011б). В рамках данной статьи значение этого термина приближено к понятиям «планетарная система», «глобальная система», «человечество как система».

предпочтительнее для Китая, чем нынешний безудержный и дорогостоящий рост.

Реконфигурация Мир-Системы

Грядущая потеря лидерства США и ее последствия. Сегодня происходит ослабление экономической роли США как центра Мир-Системы и в более широком смысле – ослабление экономической роли развитых государств в целом. Поэтому нет сомнения, что раньше или позже положение США как лидера Мир-Системы изменится и их роль снизится (такого рода прогнозов было и есть много, см., например: Тодд 2004; Бьюкенен 2007; Иноземцев 2008; подробнее о них см.: Гринин 2009а; гл. 5; Grinin, Korotayev 2010). И этим очень обеспокоены многие в самих США (Mandelbaum 2005; Мир... 2009). Сегодняшний кризис станет важным этапом в смысле ослабления позиций нынешнего лидера (относительно некоторых аспектов позиции США в мире см. также: Renwick 2000; Nye 2002; Vacevich 2002).

Однако такая коллизия – как бы к ней ни относиться – приведет к исключительно большим изменениям, многие из которых, к сожалению, не учитываются. Обычно предполагается, что место США займет кто-то другой, особенно часто на него прочат Китай (см., например: Франк 2002; Пантин, Лапкин 2006; анализ таких взглядов см.: Wang 2010). Но это глубокое заблуждение, дело вовсе не обойдется простой сменой лидера. Появление нового лидера Мир-Системы в лице одного государства маловероятно по двум причинам. Первая – с закатом роли США и развитием глобализации конфигурация Мир-Системы пойдет уже по новым траекториям, линиям объединения и интеграции, так что роль отдельных государств будет меньше, а роль их коалиций и союзов больше (при этом одни и те же страны будут одновременно участвовать во многих объединениях). Эту тему мы развивали в других статьях (см.: Гринин 2009б; 2011а; Grinin, Korotayev 2010) и здесь затрагивать ее не будем. Вторая причина заключается в том, что не может появиться в обозримом будущем государство, которое бы заменило США в совокупности их лидерских функций от военных до идеологических (там же; см. также ниже), поскольку позиции США в этом плане являются уникальными. Поэтому (а также и по многим другим причинам) *утрата США первенствующей роли будет означать глубокую, весьма трудную и кризисную трансформацию самой Мир-Системы*, даже ближайшие последствия которой во многом неясны (см. наш анализ этих последствий: там же).

Почему Китай не Америка? Рассмотрим теперь, что вытекает из сказанного для анализа будущего места Китая в Мир-Системе и почему, в

частности, Китай не может быть реальным претендентом на место, занимаемое США. Основания, по которым предполагается, что Китай будет таким лидером, в сущности, заключаются в том, что нынешний быстрый рост в ближайшие десятилетия позволит ему сначала обогнать США по ВВП, а затем и подтянуться к развитым странам по объему производства на душу населения. А это значит, что при полутора миллиардном населении мощь Китая станет неимоверной.

Такой подход, по сути, основан на двух не всегда ясно высказываемых посылах: высокие темпы роста могут продолжаться очень долго, объем производства равнозначен месту государства в мировой системе. На самом деле обе посылки ошибочны. Возможности быстрого роста в Китае весьма ограничены (об этом далее), а быть даже первой по валовому продукту державой мира абсолютно не значит быть центром Мир-Системы по многим причинам.

Дело прежде всего заключается в том, что в США сегодня сосредоточивается *политическое, военное, финансовое, валютное, экономическое, технологическое, инновационное и идеологическое лидерство*. Уже одно это перечисление показывает: место в Мир-Системе, подобное положению США, не сможет занять никто, так как никто больше не сможет соединить одновременно столько ведущих функций (см. также: Zakaria 2009). Ясно также, что почти все перечисленные аспекты лидерства будут недоступны для Китая (см. о некоторых аспектах: Фишер 2011). В частности, у него есть огромные золотовалютные резервы, с помощью которых, например, можно давить в некоторых вопросах на США. Но неконвертируемость юаня, жесткое регулирование многих аспектов финансовой деятельности не даст возможности Китаю превратиться в ведущий финансовый и тем более валютный центр мира. А сделать юань конвертируемым – значит ревальвировать его и резко ухудшить возможности экспорта, то есть подорвать основу китайской модели роста, и открыть дорогу импорту.

Китай активно модернизирует свою армию и флот и быстро увеличивает объем своих военных расходов. Реально его вооруженные силы могут превратиться в довольно крупную силу. Но хотя Пентагон в целях проталкивания собственного военного бюджета запугивает общественное мнение китайской военной угрозой, нет шансов, что Китай окажется способным создать равноценные американским (и даже российским) военные технологии (см.: Zakaria 2009). Кроме того, в истории не было примеров, когда бы возникла ведущая военная держава без соответствующих милитаристских традиций (определенной военной истории, включающей опыт крупномасштабных и победоносных войн; военного духа в обществе, школы военного искусства и т.п.). Франция, Великобритания, Герма-

ния, Россия и СССР, Япония, США имели или имеют подобные традиции. В Китае их нет. А без этого настоящей армии не создать.

Великобритания в XIX в., СССР в XX в. имели, а США и по сию пору имеют идеологии, которые могли быть предметом восхищения и подражания со стороны других стран. Призывы к демократии и свободам при попытках навязать их странам, не готовым к ним, необходимо критиковать и даже развенчивать. Но это не умаляет факта, что эти идеи привлекают сотни миллионов людей в десятках развивающихся стран. События «арабской весны» в очередной раз подтвердили это. А что Китай может предложить миру в смысле идеологии? Ничего, ибо социализму и в самом Китае верит все меньше людей, а другого нет (см., например: Wang 2010). Зато в Китае все больше тех, которые восхищаются западными ценностями. Не может быть мировым лидером тот, кто неспособен предложить миру привлекательную идеологию, тем более лидер, опасющийся революции в собственной стране.

Наконец, есть еще один момент: может ли мировой лидер быть главным загрязнителем природы на планете? Ведь успехи китайской экономики основаны на почти бесплатной экологии. Китай дает примерно треть всего выброса CO₂ (Мельянцев 2007: 22). Сегодня Китай уже обошел США по вредным выбросам, не догнав их по ВВП. А что будет дальше? Ниже (в последнем разделе) мы также покажем неспособность Китая стать лидером в целом ряде других аспектов: инновационности, производительности труда, уровне жизни и т. д.

Китайская модель

Тем не менее, хотя стать полноценным лидером Мир-Системы Китай и не сможет, стремительные темпы его развития сами по себе представляют очень важный фактор влияния на ближайшее будущее. От того, как долго они продержатся и какой будет модель роста Китая, зависит многое в экономике и экологии мира в целом (см., например: Михеев 2005: 638). Поэтому крайне важно рассмотреть основные характеристики и особенности китайского развития, учитывая и то, что Китай быстро меняется, и то, что в главном модель развития остается той же, а основные проблемы, поднимаясь вместе со страной на иной уровень, продолжают сопровождать это развитие.

Для того, чтобы понять китайскую модель, стоит рассмотреть несколько аспектов: какие факторы в целом способствовали столь быстрому и длительному росту, а также подъему технологического уровня китайской экономики; какие резервы лежали в основании роста и какова ситуация с этими резервами сейчас. Мы дадим характеристики китайской мо-

дели в ее основных чертах развития, а затем посмотрим, что будет тормозить рост этой экономики в ближайшей и долгосрочной перспективе.

Китайская модель: родовые черты. О китайской модели развития ведется довольно много споров, при этом некоторые исследователи вообще отрицают ее существование, а иные полагают, что она чуть ли не универсальна, то есть пригодна для многих развивающихся стран. Наиболее релевантным представляется мнение тех довольно многочисленных аналитиков, которые считают, что она является вариантом восточноазиатской модели экономического развития (см., например: Селищев А. С., Селищев Н. А. 2004: 166–175; Попов 2002; Андерсон 2008). Эта модель первоначально сложилась в послевоенной Японии, затем реализовалась в так называемых «азиатских тиграх» – Южной Корее, Тайване, Сингапуре и Гонконге. Позже ее взяли на вооружение Китай и в той или иной мере страны АСЕАН (Малайзия, Таиланд, Индонезия, Филиппины и еще позже Вьетнам, Кампучия, Лаос и некоторые другие), то есть она стала распространяться и в Юго-Восточной Азии, и в АТР (недаром Андерсон [2008] называет ее просто азиатской).

Разумеется, в каждой стране эта модель имеет очень существенные особенности. Но ее характерные черты следующие: (а) ориентация экономики, особенно промышленности, на экспорт; (б) использование дешевой рабочей силы; (в) привлечение иностранных инвестиций¹ и создание условий для этого, а также активный импорт технологий; (г) высокая доля инвестиций в ВВП (доля накопления очень высокая, от 30 до 40 и даже более %); (д) активное, но в разной степени, участие государства в развитии экономики; (е) в Китае и некоторых других странах также создание особых экономических зон; (ж) авторитарность разной степени и/или однопартийная модель (когда как в Японии или на Тайване у руля власти оставалась очень долго одна и та же партия). Последнее создает стабильность в стране, что важно для привлечения капитала.

Эта модель – лучше или хуже в разных странах – обеспечивает высокие темпы экономического роста на длительный срок, за счет привлечения капитала и технологий дает возможность повышать технологический уровень и производительность труда. В итоге происходят модернизация страны, быстрый рост урбанизации и постепенный рост уровня жизни населения. Однако по мере роста ВВП на душу населения и внутреннего потребления темпы роста у стран восточноазиатской модели замедляются. В частности, у Японии они сегодня низкие, в Южной Корее – средние (4–5 %; см., например: Федоровский 2010), хотя Гонконг, Тай-

¹ В Японии было мало иностранных инвестиций, зато японские капиталы оплодотворили экономики нового поколения стран.

вань, Сингапур все еще демонстрируют существенно более высокие темпы. И то, что темпы развития замедляются, служит весомым основанием для ряда аналитиков предполагать, что по достижению Китаем определенного уровня ВВП на душу населения (не более 10 тыс. дол.) темпы его развития начнут замедляться (см.: Eichengreen 2011; Андерсон 2008).

Китайская модель: специфические черты. Все указанные черты присутствуют в китайской модели. Но у нее есть и очень важные особенности. Первая – и уникальная – гигантское население. Именно это (плюс большая территория) делает Китай супердержавой. Вторая – наибольшая из всех стран роль государства при господстве компартии. Эта роль ключевая в китайской модели, тем более что она и дала возможность для проведения реформ¹. Третья – особое положение крестьянства, которое лишено прав собственности на землю и многих гражданских прав, что позволяло и все еще позволяет использовать ресурсы деревни для экономического роста и целей государства². Четвертая – большая роль этнического китайского иностранного капитала³ и наличия целых государств с китайским населением (Гонконг, Макао, Тайвань и в значительной мере Сингапур). Без всякого сомнения, приток иностранного капитала в Китай был бы намного меньше, поскольку огромная, а периодами и большая часть иностранных инвестиций по-прежнему идет через этот канал (см., например: Ван Пэй 2010: 17). Отметим также, что импульс присоединения Гонконга и Макао все еще чувствуется в китайском росте.

Эти базовые особенности китайской модели (прежде всего повышенная роль государства при послушном и бесправном населении) в совокупности с особенностями китайских реформ и специфики мировой эпохи⁴ породили и ряд других очень важных ее характеристик, которые являются как состав-

¹ Поэтому идея, что через 15–20 лет многие страны будет привлекать скорее китайская модель альтернативного развития, чем западные модели политического и экономического развития (Мир... 2009: 8), вызывает сильные сомнения. Западные модели могут подвергаться критике, а успехи Китая, разумеется, не могут не привлекать внимания. Но маловероятно, чтобы кто-либо попытался ввести такую модель, как в Китае. Дело в том, что в абсолютном большинстве ее просто невозможно ввести. Для этого надо иметь тоталитарную компартию (в той или иной мере ее заимствовали во Вьетнаме, в какой-то мере – в Лаосе [см.: Бельчук 2005: 88], а потенциально может еще скопировать КНДР).

² Для регулирования миграционных потоков, изъятия земли, манипуляции с закупочными ценами, организации тех или иных производств и т. п.

³ Так называемые *хуацяо*, то есть этнические китайцы, проживающие в других государствах, среди которых много бизнесменов (о роли хуацяо см., например: Бельчук 2005: 90).

⁴ Период 1980–2000-х гг. в мире в целом можно считать периодом, благоприятным для экономического роста.

ляющими китайского успеха, так и его потенциальными слабостями, а именно:

- дешевая экология (отсутствие должной заботы об охране окружающей среды);
- дешевая социальная политика, которая мало обременяет государство (возможность отказаться от обязанностей государства в отношении пенсий и пособий для огромной части населения; плата за обучение и медицинское обслуживание; низкий уровень безопасности на производстве и т.п.);
- политика ограничения рождаемости, которая снижает затраты на подрастающее поколение;
- низкий курс юаня, способствующий экспорту. Низкий курс также уберег Китай в 1997 г. от кризиса, в то время как целый ряд других стран ЮВА сильно пострадал от завышенного курса своих валют;
- сверхвысокая доля ВВП, идущая на накопление, что позволяет делать громадные инвестиции и поддерживать высокие темпы роста, но возможная лишь при столь сильном присутствии государства в экономике, как в Китае;
- целенаправленная политика государства в области низких тарифов на энергию и сырье, создания инфраструктуры, повышения производительности труда, инновационности, степени открытости страны и т.д.

В отношении последнего важно отметить линию постепенного расширения открытости для иностранных инвестиций, в которой Китай сделал наибольшие успехи (они гораздо больше по сравнению, скажем, с политикой поощрения отечественного бизнеса или развития внутреннего потребления). Все это и способствовало тому, что китайский экспорт рос опережающими темпами по сравнению с ростом экономики в целом, а объем ПИИ в Китай вырос в десятки раз¹.

Факторы, ресурсы и движущие силы китайского развития. Говоря о факторах феноменального экономического роста, прежде всего, конечно, надо отметить квалификацию китайского руководства и концентрацию госаппарата и общества в целом на успехе и росте. В Китае произошла буквально фетишизация роста. Достойно выделения в качестве отдельного фактора роста упомянутое выше постоянное расширение возможностей для развития иностранного и (в меньшей степени отечественного) предпринимательства.

¹ Недавним важным шагом стало движение в отношении создания зон свободной торговли с АСЕАН, Тайванем, Японией и Кореей (о последних см.: Потапов 2007; 2010; Луконин, Михеев 2010; см. об этапах развития открытости в Китае, например: Жуджунь Дин, Ковалев, Новик 2008: гл. 8, 9).

Другими постоянными факторами экономического роста служат уже указанные выше: а) чрезвычайно высокий уровень инвестиций (в отдельные годы до 50 % от ВВП)¹; б) большой приток иностранного капитала; в) рост производительности труда. Благодаря постоянной технической модернизации этот рост весьма впечатляющий (см., например: Chen *et al.* 2010), хотя в сравнении с развитыми странами производительность труда в Китае еще очень низка (о некоторых факторах роста см. также: Жуджунь Дин, Ковалев, Новик 2008: гл. 1).

Важнейшими ресурсами китайского роста являлись: а) огромный длительное время неисчерпаемый рынок дешевой рабочей силы и так называемый демографический дивиденд (в связи с уменьшением рождаемости и молодой структурой населения); б) довольно богатые запасы отдельных видов природных ископаемых (угля, железной руды, нефти, редких металлов и др.); наконец, уже упоминавшиеся в) дешевая экология; и г) дешевая социальная политика (как в связи с относительно молодой демографической структурой населения, так и с возможностью игнорировать нужды населения).

Принципиально важным для понимания причин быстрого роста и перспектив дальнейшего развития Китая является вопрос о движущих силах развития. Досадно, что исследования в таком ключе довольно редки (в качестве положительного примера см.: Бергер 2009: гл. 4). Между тем анализ показывает, что в Китае желающих инвестировать и расширять производство даже больше, чем в западных экономиках (не говоря уже о ситуации, которая была в СССР), отсюда и мощный импульс для роста.

Главными акторами инвестиций и расширения производства выступают, во-первых, частные предприниматели. Однако по сравнению с развитыми странами значимость местных предпринимателей в Китае ниже, так как они лишены доступа к кредитам и ограничены многими запретами, зато роль иностранных инвесторов – выше. Во-вторых, многоуровневое участие государства (и партии) в развитии производства, инвестициях: от центрального правительства, определяющего основные приоритеты, пропорции и наиболее дорогостоящие проекты, через уровень провинций (которые, однако, по населению превосходят крупные европейские страны), округов, уездов и до волостей. При этом идет конкуренция на всех провинциальных и местных уровнях за инвестиции и высокие показатели роста (см., например: Бергер 2006; 2009). По подсчетам экономиста Джона Ли из Сиднея, эти внутренние инвестиции дают 40% роста,

¹ Это сочетается с довольно значительной долей сбережений населения (см., например, Рубини 2011) и в целом является препятствием для расширения внутреннего потребления как декларируемой цели китайского руководства.

в то время как вклад экспортного сектора и ПИИ составляет примерно 30% (см.: Berthelsen 2011).

Для понимания механизма развития исключительно важно понять, что китайскому руководству удалось разбудить силы внутри аппарата управления, которые крайне заинтересованы в экономическом росте. В результате влияние местных властей на экономический рост гораздо больше того, что было в СССР, и, по моему мнению, существенно выше, чем в Японии, Южной Корее, на Тайване предыдущих десятилетий, что обеспечивает Китаю дополнительные проценты роста. Хотя если оценивать роль центральных правительств, то в Китае, с одной стороны, и упомянутых странах – с другой, она вполне сравнима.

Наконец, мощным мотором роста выступают крупные (в том числе занимающие монопольное положение) государственные корпорации, стремящиеся инвестировать свою прибыль в новые проекты, которые потом утверждаются и контролируются государством с помощью кредитов и прочего. Андерсон (2008) считает, что причина этого активного инвестирования в том, что государственным предприятиям некуда девать прибыль, так как она не распределяется. Однако думается, что можно говорить об общем законе поведения корпораций – стремиться к расширению. В условиях Китая расширение – это новые места для управленцев и своих людей, новые ресурсы, контроль над которыми увеличивает власть. С другой стороны, между корпорациями всегда есть конкуренция за доступ к ресурсам, который зависит от инвестиционной активности. При такой ситуации очень полезные проекты причудливо сочетаются с совершенно бесполезными или недостаточно нужными.

Таким образом, в Китае имеется многоуровневая система движущих сил роста, в известной мере уникальная, в которой в отличие от развитых стран главным являются не отечественный частный капитал, а государственные корпорации, местные власти и иностранный бизнес. Это объясняет особенности китайских инвестиций.

Ограниченность и пороки китайской модели. Китайская экономика, несмотря на то, что ее технологический и инновационный уровень повышается, в целом *остается экстенсивной*, основанной на вовлечении в нее чрезмерного количества всевозможных ресурсов и капиталов. При этом она *продолжает быть: а) очень ресурсозатратной; б) очень энергозатратной; в) экологически очень грязной и г) слишком ориентированной на экспорт*. Хуже всего, что если в первые десятилетия реформ инвестиции приносили высокую отдачу, то уже с начала 2000-х гг. отдача от них упала до предельно низких и даже отрицательных значений (см., например: Ху Аньган 2005: 38–39). Таким образом, в важнейшем отноше-

нии *китайская модель становится неэффективной*, что грозит кризисом и замедлением развития.

Китайское руководство знает недостатки сложившейся модели развития, постоянно ставит задачи ее трансформации и прилагает для этого усилия. Например, принимаются необходимые меры экономической политики, расширяется сфера социальной политики, больше поддержки получает национальный капитал и т.д. Однако при определенном продвижении вперед по этим направлениям результаты не соответствуют ожиданиям. Дело в том, что если приглядеться к успехам Китая, станет ясно: главные из них проходят там, где даются легче, то есть в развитии как раз тех направлений, которые надо перестраивать (рост внешней торговли, безудержное наращивание производства, чрезмерные инвестиции и пр.). Иными словами, *модель не меняется, напротив, происходит ее гиперразвитие и усиливаются ее ограничения*.

Так, несмотря на попытки в течение пятнадцати-двадцати лет достичь экономичности в потреблении энергии (в частности, путем директивных предписаний в годовых и пятилетних планах), объем потребляемой электро- и прочей энергии увеличивается на 11–14 % в год, то есть быстрее, чем ВВП. То же касается и расхода природных ресурсов, объем добычи которых растет с неимоверной скоростью. Когда смотришь на цифры китайской статистики, с трудом осознаешь значение некоторых из них. Вдумайтесь: более 3 млрд т угля, почти половина его мирового производства, добывается и сжигается в КНР. Добывается более 1 млрд т железной руды, свыше 40% мировой добычи. Выплавляется более 600 млн т стали, что превышает 45% мировой выплавки, при этом на экспорт идет едва ли десятая ее часть. Производится 1,9 млрд т цемента (более 55% мирового производства), который практически весь потребляется в КНР. О каком энергосбережении, о какой экологии может идти речь?! Но при том что объем добычи полезных ископаемых растет стремительными темпами, увеличивается и число видов природных ресурсов, которые раньше Китай экспортировал, а сегодня во все возрастающем количестве импортирует. Не так давно Китай экспортировал нефть, сегодня он второй в мире ее импортер; еще три-четыре года назад уголь шел на экспорт, а сегодня импорт угля растет, как на дрожжах; ввозится 500 млн т железной руды, а также много другого сырья и первичных материалов. Китайские власти и бизнесмены по всему миру лихорадочно ищут новые источники поставок сырья и топлива, чтобы обеспечить экономику и диверсифицировать поставки. Это объясняет особую активность КНР в Африке и Латинской Америке.

Прежде чем перейти к следующему разделу, вынужден сделать одно важное пояснение относительно избитой темы недостоверности китай-

ской статистики (см., например: Гельбрас 2003). Поскольку доверять ей крайне сложно, то и вышеприведенным (как и многим другим) цифрам китайского производства верится с трудом. Мало того, трудно даже придумать, куда все-таки можно истратить такое количество продукции. Чтобы не быть голословным, предоставляю фантазии читателя следующую загадку (ответа на которую не знаю). Если объемы строительства в США и Китае примерно равны, но Китай производит 1,9 млрд т цемента, а в США до кризиса производили где-то 100 млн т цемента и еще импортировали 30 млн т (сейчас намного меньше), то куда китайцы девают более 1,5 млрд т цемента? Даже если учесть разницу в заработной плате и высокие потери цемента в китайском строительстве (но не в 10 же раз!), концы с концами не сходятся. Добавлю еще, что СССР на пике своего огромного строительства производил всего 140 млн т цемента.

Пределы роста

В настоящий момент в рамках сложившейся модели ясно обозначились ограничения на пути сверхвысокого экономического роста Китая. При этом важно учитывать, что эту модель крайне сложно изменить, но если это и удастся, изменение неизбежно будет означать замедление темпов роста. Правда, объективно такое замедление можно рассматривать как положительное для Китая.

1. Нехватка энерго- и сырьевых ресурсов остро дает о себе знать, поскольку Китай все сильнее зависит от импорта энергии и сырья. При этом возрастающий импорт топлива, минеральных и иных ресурсов Китаем разгоняет мировые цены, что увеличивает стоимость экспортной продукции КНР. Так, в 2011 г. возросшая цена на топливо привела к тому, что при существующих тарифах на электроэнергию ее поставки привели к убыткам для производителей электричества. А повышать тарифы государство не хочет, это по цепочке разгонит инфляцию. Дело доходит до того, что в попытках достичь сокращения затрат электричества власти производят всеерные отключения электроэнергии. Но предприятия в ответ на это на собственных генераторах пытаются производить необходимые им киловатты. В рамках сегодняшней затратно-экспортной модели зависимость от потребления энергии и ресурсов будет только возрастать¹. *Таким образом, в ближайшем будущем наиболее жесткой преградой китайскому росту может стать ограниченность не только китайских, но*

¹ К этому добавляются рост потребления энергии в быстро растущих новостройках и рост спроса на продовольствие в связи с повышением жизненных стандартов.

*и мировых ресурсов, либо цена последних окажется неподъемной для Китая*¹. В итоге импорт начнет стабильно превышать экспорт.

2. Грядущая нехватка рабочей силы и рост ее стоимости. Несмотря на большую безработицу, во многих местах уже ощущается нехватка рабочих. Об этом достаточно много пишут в научной литературе и в интернете (см., например: Бергер 2009). Предполагается, что после 2013 г. дефицит рабочей силы будет постепенно возрастать. Хотя это остро почувствуется только в среднесрочной перспективе, однако уже сейчас нехватка рабочей силы в приморских провинциях приводит к росту заработной платы, которая будет увеличиваться и далее. Обеспечить быстрый рост при ограничениях рабочей силы и растущей зарплате окажется исключительно сложно.

3. Неизбежное удорожание экспортной продукции и опасность уменьшения притока капитала. На пути роста экспорта – при том что экспортноориентируемую модель изменить сложно – встанут сильные ограничения в виде стоимости энергии и сырья, рабочей силы и других затрат, вероятной ревальвации юаня и конкуренции стран с более дешевой рабочей силой. А стоит экспорту замедлиться, может сократиться и приток инвестиций, так как экспортом главным образом занимаются фирмы с иностранным участием. Одновременно может сильно вырасти вывоз капитала из Китая, что также замедлит рост экономики.

4. Падение отдачи от инвестиций. Как уже сказано выше, высокая норма инвестиций, которая сейчас обеспечивает 40% роста, натолкнулась на проблему падения отдачи от них почти до нуля. При этом возрастает бремя содержания неприбыльных объектов. В Китае огромное количество излишних мощностей едва ли не во всех сферах. Нередки случаи, когда правительство принимает решения о принудительном закрытии избыточных мощностей. Но объем таких нерентабельных объектов продолжает расти. Это вызывает как ненужные затраты, так и излишнюю конкуренцию, что понижает прибыль. Естественно, бесконечно это продолжаться не может, инвестиции раньше или позже сократятся, а с ними замедлится и рост.

5. Экология. Ситуация с экологией, по общему мнению, критическая. По уровню загрязненности вод, воздуха, почвы, кислотным дождям, числу заболевших от последствий загрязнения и т.п. Китай впереди всей планеты. Нельзя сказать, что правительство не озабочено этой проблемой, но пока делается явно недостаточно. Для ее решения нужны очень большие затраты, что сильно удорожит стоимость продукции и экспорта и скажется на темпах роста. Тем не менее решать ее, по крайней мере в

¹ По этому поводу есть немало литературы (см., например: Кульпин-Губайдуллин 2010).

среднесрочной перспективе, придется, иначе конечная цена такой негативной политики окажется чрезмерной, да и вряд ли мир будет слишком долго терпеть такую ситуацию¹.

6. Рост затрат на социальные нужды. Старение населения, рост жизненных стандартов, необходимость обеспечивать социальный мир и не допускать слишком большого разрыва в уровне жизни разных слоев населения, а также забота об увеличении внутреннего спроса ведут к росту обязательств государства. С каждым годом Китай вынужден будет тратить все больше денег на социальные нужды, что сказывается уже сейчас, а в среднесрочной и особенно долгосрочной перспективе станет тяжелым бременем.

7. Опасность инфляции, роста диспропорций и необходимость ограничения роста неравенства стали жестко влиять на экономическую политику и темпы роста. Ограничение роста связано с необходимостью балансировать между наращиванием внутреннего потребления (которое проводилось в 2009–2010 гг. за счет смягчения денежной политики и увеличения объема кредитов) и инфляцией. Инфляция, особенно быстрый рост цен на продукты питания, угрожает стабильности в бедной стране, где слишком большой разрыв в уровне доходов, и полностью противоречит идее «создать гармоничное общество». Поэтому неудивительно, что нынешнее руководство в 2011 г. выбрало курс на снижение инфляции и систематическое ужесточение кредитно-денежной политики. Но это ведет к снижению деловой активности.

В марте 2011 г. глава Госсовета КНР Вэнь Цзябао заявил, что сочетание инфляции, коррупции и различия в доходах между богатыми и бедными может сказаться на социальной стабильности и даже на прочности политической власти. Таким образом, *под угрозой оказался важнейший ресурс китайской модели – лояльность населения*. Именно это и объясняет готовность руководства Китая пожертвовать темпами роста ради стабильности. Вопрос о том, насколько оно способно контролировать экономическое развитие, мы рассмотрим ниже. Тем не менее планово или нет, но темпы роста достаточно скоро неизбежно и существенно снизятся.

¹ Иногда говорят (см., например: Андерсон 2008), что на низком уровне развития страны загрязнение окружающей среды неизбежно (так было в Японии и Корее), а через некоторое время Китай решит эту проблему. Но когда при этом называют в лучшем случае 2030-е гг., вызывает сомнения, что мир даст Китаю 20 лет форы в коренном решении экологических проблем. Плохая экология в 1950–1960-е гг. в Японии грозила только японцам, плохая экология в 2010-е гг. в Китае грозит окружающим странам и всей планете.

Неизбежность замедления роста

Почему сложно изменить модель роста? Современная затратная модель роста усиливает сложившиеся и признанные официально диспропорции в уровне развития и жизни между восточными и западными провинциями, между городскими и сельскими жителями, между богатыми и бедными китайцами.¹ Неудивительно, что китайское руководство ставит задачу перевести экономику на инновационный рост и повысить долю знаний в приросте ВВП, развить китайские ноу-хау, сделать экспорт высокотехнологичным, повысить внутреннее потребление, чтобы оно, а не внешняя торговля, давало основу роста, понизить коэффициенты потребления энергии и сырья, улучшить экологию, сделать экономику сбалансированной и т. п. Однако этот новый курс, намеченный в конце 1990-х, на практике оказался нереализуемым, а указанные задачи из пятилетки в пятилетку стабильно не выполняются.

Легко сказать – перейти на инновационный рост, а кто сможет это сделать? Государственные корпорации по природе неспособны к этому, местным бизнесменам не дают простора (см., например: Хуан 2010), а иностранные инвесторы не заинтересованы ввозить в Китай новейшие технологии.

Или взять задачу экономии энергии. Почему ее не хватает, несмотря на рост производства и определенные успехи в развитии «зеленой», гидро- и атомной энергетики? Потому, что *расточительство заложено в китайской экономической модели, в которой главное не прибыль, а именно фетишизация роста, достижение его любой ценой*. Экономия неинтересна государственным или полугосударственным предприятиям, они экономят лишь «из-под палки». Поэтому-то усилия добиться экономии обречены на неудачу, в лучшем случае – на очень ограниченный и недолговечный успех. Настоящий переход на энергосбережение может быть только там, где на первом месте стоит прибыль, а не рост, и там, где стоимость энергоресурсов не занижается искусственно. Но отказ от контроля за энерготарифами и реальный переход на показатели прибыльности крайне опасен, он означал бы катастрофу китайской экономики, так как немедленно стало бы очевидным, что половина выпущенной продукции излишня со всеми вытекающими отсюда последствиями: банкротства, рост безработицы и пр., что взорвало бы социальный мир.

¹ Коэффициент Джини, показывающий степень неравномерности в распределении доходов, в Китае очень высок, выше, чем в России, Индии и США, уступая лишь южноамериканским странам (Хуан 2010: 300–301; Басманов 2011), а по некоторым данным догнал уже и их и достиг значения 0,57 (см., например: Berthelsen 2011; о диспропорциях см. также: Ху Аньган 2005).

Словом, изменить нынешнюю модель роста очень сложно как потому, что существует огромная инерция, так и по причине наличия влиятельных сил, заинтересованных в ее сохранении и поддержании высоких темпов роста (см., например: Бергер 2009: 144). Как мы видели выше, это местные власти разных уровней, особенно богатых провинций, и крупные государственные или полугосударственные корпорации. За десятилетия они достигли большого успеха как в расширении производства, так и в манипулировании цифрами статистики. Но не менее важно, что к переходу на новую систему фактически не готова вся китайская бюрократическая и социальная система. Как, например, избежать чрезмерных инвестиций, создающих ежегодно все новые излишние мощности в китайской экономике, если это вызвано напряженным соперничеством между различными провинциями за привлечение капиталов и высокие темпы развития своих регионов? Только директивно запрещать их. Но это значит, связать руки провинциям и, по сути, отключить ведущий мотор роста (пусть и нерационального). А кроме того, если уменьшить инвестиции и долю накопления в ВВП, то куда девать эти средства? Увеличить пособия, зарплаты и пенсии? Но это вызовет всплеск инфляции и рост импорта, что только ухудшит ситуацию в стране. И сегодня уже Китай не знает, что делать с накоплениями, все более и более наращивая валютные запасы. Раздать еще больше кредитов, как это сделали в 2009 г.? Но в итоге в 2011 г. правительство не знает, как побороть инфляцию. Словом, переход к новой модели крайне затруднен и несет в себе не меньше опасностей, чем продолжение старой¹.

Курс на замедление: реальные намерения или риторика?

28 февраля 2011 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао заявил, что страна планирует в течение ближайших пяти лет снизить темпы роста своей экономики. Теперь Китай будет ориентироваться на 8%-ный рост в 2011 г. и на 7%-ный – в 2012–2015 гг. Для сравнения: в 11-й пятилетке (2006–2010 гг.) ВВП в среднем рос на 11,1% ежегодно. Такое решение, как мы видели выше, было ускорено ростом инфляции и опасностью нестабильности в обществе. Несомненно, что лидеры КНР чувствуют также сложность поддержания прежних деформирующих общество темпов роста в условиях мировой рецессии. Будь сейчас экономический подъем в мире, планы были бы иными.

Решение о снижении темпов роста на 12-ю пятилетку до 7% можно только приветствовать. И если правительство сумеет сдержать рост, будет намного легче перестраивать модель развития, устраняя наиболее сильные диспропорции в ней. Однако если разговор о замедлении – толь-

¹ См., например, исполнившийся пессимистический прогноз Ху Аньгана (2005: 39), что в процессе попыток смены модели развития Китай вернется к низкой эффективности производства при высоких энергозатратах и загрязнении среды.

ко риторика и развитие вновь пойдет по проторенному пути искусственного поддержания темпов развития, это грозит крупными проблемами и самому Китаю, и всей мировой экономике.

Очень вероятно, что реально китайское руководство не отказалось от идеи сверхвысоких темпов развития, которая была в течение более трех десятилетий фетишем для трех поколений китайских руководителей. Поэтому, возможно, в глубине души оно надеется, что повторится та же ситуация, что и в прошлые пятилетки, когда планируемые цифры стабильно оказывались ниже реальных. Так, в 10-й пятилетке в 2001–2005 гг. среднегодовые темпы роста ВВП Китая составляли более 9% при плане в 7%. А в 11-й пятилетке они составили и вовсе более 11% при плане в 7,5%. По-видимому, логика планирующих такова: лучше занижить цифры. Если ситуация будет хуже, мы их все равно выполним. А если лучше, то перевыполнение станет только плюсом¹.

И все же в отличие от прошлого, учитывая описанные выше ограничения, мне представляется, что перевыполнения планов, даже несмотря на все возможные усилия китайских властей, не произойдет и среднегодовых двузначных темпов роста в Китае больше не будет. Иными словами, *наиболее вероятным видится сценарий, по которому так или иначе (добровольно или волей обстоятельств) в течение ближайших пяти лет произойдет заметное замедление темпов роста до 6–7%.* И далее, то есть после 2016 г., темпы роста еще несколько снизятся – где-нибудь до 5–6%. И это при благоприятном развитии. Вовсе не исключено, что Китай столкнется и с более серьезными трудностями, особенно если экономическая ситуация в развитых странах будет плохой и упадет спрос на китайские товары в мире (Европа и Америка – главные их потребители).

Может ли развивающаяся страна быть экономическим лидером Мир-Системы?

Итак, вернемся к вопросу, каковы варианты будущего Китая в плане его возможного лидерства в мире. При замедлении темпов развития в ближайшее время Китай еще долго будет оставаться второй экономикой мира, сокращая разрыв с США². Но и при такой ситуации он обречен быть экономической сверхдержавой. Китай фактически и сегодня является ею, что и доказал в период рецессии, поддерживая мировые цены и объемы. На мой взгляд, в известной мере позиция второй экономики даже

¹ Но нельзя сбрасывать со счетов и тот важный факт, что в 2012 г. предстоит смена китайского руководства.

² Только Индия с ее быстро растущим населением, но в весьма отдаленной перспективе теоретически могла бы догнать Китай.

удобнее: во-первых, есть цель догонять, во-вторых, меньше спроса в плане помощи бедным странам и т.п. То есть можно продолжать идти в фарватере лидера, как Китай и делал до сих пор¹. Даже при средних темпах роста у Китая есть шанс в 2030-е гг. стать первой по объему ВВП страной мира, хотя представляется более вероятным, что в этот период китайское общество ждут серьезные трудности.

Но рассмотрим вариант, при котором Китай, посрамив прогнозы, в 2010-е гг. вновь продемонстрирует сверхвысокие темпы роста и в течение ближайшего десятилетия обгонит по ВВП США. Что это может означать для Китая и мира? Должно быть ясно, что стать экономической супердержавой, то есть иметь наибольший в мире объем ВВП, вовсе не значит стать экономическим лидером Мир-Системы. Во всяком случае, у Китая пока и в обозримом будущем недостаточно возможностей для этого. Нельзя забывать, что динамика, мощь и успехи китайской индустрии во многом пока еще основаны на привязке к другим, богатым экономикам.

Создав наибольший ВВП в мире, Китай станет богатым государством (оставаясь еще бедным обществом), способным влиять на некоторые мировые экономические и финансовые тенденции, в том числе в смысле вывоза капитала, ориентации сырьевых потоков, инвестиций за рубежом, финансовой поддержки нуждающихся стран. Китай способен стать достаточно мощной (но отнюдь не первоклассной) военной державой, играть большую роль в принятии важных общемировых экономических решений. Возрастет также роль Китая в АТР, особенно в Восточной и Юго-Восточной Азии. Все это очень много, но это не позиция ведущего лидера Мир-Системы.

Китай называет себя развивающейся страной. И это не просто риторика или попытка получить некоторые льготы в ВТО. Это реально так. Как скоро развивающаяся страна станет развитой? Даже по планам китайского руководства еще очень не скоро. Между тем экономический лидер должен иметь высокий ВВП на душу населения, высокий уровень производительности труда и заработной платы. Очень сомнительно, чтобы Китай в обозримом будущем вошел по этим показателям хотя бы в первую десятку. Кроме того, он будет оставаться очень уязвимым для критики не только из-за прав человека, но особенно из-за плохой экологии.

Положение экономической сверхдержавы, разумеется, будет побуждать к более активной политической и дипломатической деятельности, чтобы обеспечить свои позиции, защитить свои права, собственность и т. п. Но Китай еще довольно длительное время будет ориентирован на соб-

¹ Й. Фишер вообще говорит о будущем американо-китайском тандеме (Фишер 2011), но это кажется сомнительным.

ственные сложные внутренние проблемы. Все внешние проблемы он и впредь будет рассматривать через внутренние, через призму того, обеспечит ли это экономический рост, поставки ресурсов и т.п. (см., например: Фишер 2011). В этом плане позиция Китая напоминает поведение США в конце XIX – начале XX в. с их изоляционизмом при бурном экономическом росте. Такое сравнение очень полезно в плане ответа на вопрос, сможет ли Китай повторить путь США и стать главным центром Мир-Системы. При сравнении, однако, выявляется значительная разница в очень важных отношениях.

1. Еще не претендуя на лидерство, США в конце XIX в. стали ведущей экономической державой, обогнав Англию и Германию.

2. Производительность труда в США была очень высокой, в некоторых отношениях наивысшей в мире (из-за нехватки рабочей силы – ситуация, противоположная тому, что есть в Китае).

3. США стали признанным инновационным лидером в техническом и организационном плане в начале XX в. (система научной организации труда Тейлора, система конвейерного производства Форда и т.п.), а в ряде отношений и намного ранее. Экономика же Китая в целом развивается на неинновационных и даже устаревших технологиях (см., например: Михеев 2008: 311, 319; Луконин, Михеев 2010). И хотя Китай сегодня занимает третье место в мире по числу патентов (для нации, еще недавно абсолютно отстававшей, результат превосходный), пока еще нет направлений, где бы китайцы по инновациям были впереди всех, пока они упрашивают США продавать им высокие технологии.

4. Низкий уровень зарплаты – важнейшая часть китайской модели быстрого развития. Между тем уже в конце XIX в. (а в сущности, едва ли не с начала своего основания) зарплата в США была существенно выше европейской, что и послужило одной из главных причин наплыва туда иммигрантов.

5. Экономика США в отличие от китайской никогда не была экспортноориентированной (см., например Хелд и др. 2004: 210; исключение составлял только рабовладельческий Юг).

И еще один вывод позволяет сделать история. Переход от экономической мощи к политической гегемонии не происходит автоматически. США еще в конце 1930-х гг. очень неохотно втягивались в европейскую политику, занимая позицию нейтралитета в гражданской войне в Испании, игнорируя войну Японии в Китае и т.п. Только нападение японцев на Перл-Харбор переломило ситуацию окончательно. Пока с трудом верится, что в ближайшие десятилетия мир окажется в таком состоянии, чтобы позвать на место лидера Китай.

Литература

- Бельчук А. 2005. Вновь об оценке реформ в Китае. *Мировая экономика и международные отношения* 4: 86–93.
- Бергер Я. М. 2006. Итоги 10-й пятилетки и становление новой модели экономического роста в КНР. *Проблемы Дальнего Востока* 3: 14–29, 4: 81–95.
- Бергер Я. М. 2009. *Экономическая стратегия Китая*. М.: Форум.
- Бьюкенен П. Дж. 2007. *Смерть Запада*. М.: АСТ.
- Ван Пэй. 2010. *Экспортный сектор в модели экономического развития КНР*: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М.
- Гельбрас В. Г. 2003. Китай: «У пчелы спина полосатая, но тигром ее не назовешь». *Вопросы экономики* 3: 61–75.
- Гринин Л. Е. 2009а. *Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса*. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2009б. Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям? *Век глобализации* 2: 117–140.
- Гринин Л. Е. 2011а. Ждут ли мир глобальные перемены? *Вестник РАН* 4: 325–330.
- Гринин Л. Е. 2011б. Истоки глобализации: мир-системный анализ. *Век глобализации* 1: 80–94.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009. *Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы*. М.: ЛИБРОКОМ.
- Жданова Н. А. 2008. *Стратегия расширения геополитического влияния КНР на рубеже XX–XXI веков*: автореф. дис. ... канд. ист. наук.
- Жуджунь Дин, Ковалев М. М., Новик В. В. 2008. *Феномен экономического развития Китая*. Минск: Изд. центр БГУ.
- Иноземцев В. Л. 2008. «Постамериканский мир»: мечта дилетантов и непростая реальность. *Мировая экономика и международные отношения* 3: 3–15.
- Кульпин-Губайдуллин Э. С. 2010. Китайский вызов: пределы роста. *История и современность* 2: 140–143.
- Луконин С. А., Михеев В. В. 2010. Китай и глобальный кризис. *Тихоокеанская Азия: экономические и политические последствия глобального финансового кризиса* / ред. В. Б. Амиров, Е. А. Канаев, В. В. Михеев, с. 6–19. М.: ИМЭМО РАН.
- Мельянцев В. А. 2007. Экономический рост Китая и Индии: динамика, пропорции и последствия. *Мировая экономика и международные отношения* 9: 18–25.
- Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. М.: Европа, 2009.
- Михеев В. (ред.) 2005. *Китай: угрозы, риски, вызовы развитию*. М.: Московский центр Карнеги.
- Михеев В. В. 2008. Китай. Мировая экономика: прогноз до 2020. *Мировая экономика: Прогноз до 2020 года* / ред. А. А. Дынкин, с. 303–329. М.: Магистр.
- Пантин В. И., Лапкин В. В. 2006. *Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века*. Дубна: Феникс+.
- Попов В. 2002. *Три капельки воды. Заметки не Китаиста о Китае*. М.: Дело.
- Потапов М. А. 2007. Китай и Япония: партнеры и конкуренты в Восточной Азии. *Проблемы Дальнего Востока* 6: 86–92.
- Потапов М. А. 2010. Влияние мирового экономического кризиса на внешне-экономические связи КНР. *Тихоокеанская Азия: экономические и политические последствия глобального финансового кризиса* / ред. В. Б. Амиров, Е. А. Канаев, В. В. Михеев, с. 20–27. М.: ИМЭМО РАН.

- Селищев А. С., Селищев Н. А. 2004. *Китайская экономика в XXI веке*. СПб.: Питер.
- Тодд Э. 2004. *После империи. Pax Americana – Начало конца* / пер. с фр. М.: Международные отношения.
- Федоровский А. Н. 2010. Южнокорейская экономическая и политическая системы в условиях мирового кризиса. *Тихоокеанская Азия: экономические и политические последствия глобального финансового кризиса* / ред. В. Б. Амиров, Е. А. Канаев, В. В. Михеев, с. 58–70. М.: ИМЭМО РАН.
- Франк А. Г. 2002. Азия проходит полный круг – с Китаем как «Срединным государством». *Цивилизации. 5. Проблемы глобалистики и глобальной истории* / ред. А. О. Чубарьян, с. 192–203. М.: Наука.
- Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Д. 2004. *Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура*. М.: Праксис.
- Хуан Я. 2010. *Капитализм по-китайски. Государство и бизнес*. М.: Альпина Пабlishерз.
- Ху Аньган. 2005. Чем объясняются высокие темпы развития китайской экономики? *Проблемы Дальнего Востока* 1: 34–42.
- Bacevich, A. 2002. *American Empire. The Realities and Consequences of U.S. Diplomacy*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2010. Will the Global Crisis Lead to Global Transformations? 2. The Coming Epoch of New Coalitions. *Journal of Globalization Studies* 1(2): 166–183.
- Mandelbaum M. 2005. *The Case for Goliath: How America Acts as the World's Government in the Twenty-First Century*. New York, NY: Public Affairs.
- Nye J. S. Jr. 2002. *The Paradox of American Power. Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone*. New York, NY: Oxford University Press.
- Renwick N. 2000. *America's World Identity. The Politics of Exclusion*. Basingstoke: Macmillan Press.
- Zakaria F. 2009. *The Post-American World*. New York, NY: Norton.

Интернет-ресурсы

- Андерсон Дж. 2008. Лекция. Экономический рост и государство в Китае. *Полит.ру*. URL: <http://www.polit.ru/article/2008/07/17/china/>
- Басманов Е. 2011. Китайские законодатели оказались богаче американских коллег. *RBC Daily* 05.03. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2011/03/05/world/562949979807713>
- Рубини Н. 2011. Спор на плохой экономический рост Китая. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/roubini37/Russian>
- Фишер Й. 2011. Китай как сверхдержава URL: <http://www.csef.ru/studies/politics/projects/china/articles/1768>
- Berthelsen J. 2011. Is This the China that Can't? *Asia Sentinel* 18 May URL: [http://www.asiasentinel.com/index.php?option=com_content&task=view&id=3200&Itemid=422%20\(http://www.asiasentinel.com/index.php?option=com_content&task=view&id=3200&Itemid=422\)](http://www.asiasentinel.com/index.php?option=com_content&task=view&id=3200&Itemid=422%20(http://www.asiasentinel.com/index.php?option=com_content&task=view&id=3200&Itemid=422))
- Chen V., Gupta A., Therrien A., Levanon G., Ark B. 2010. Recent Productivity Developments in the World Economy: An Overview from The Conference Board Total Economy Database. *International Productivity Monitor* 19: 3–19. URL: <http://prof-standart.org/wp-content/uploads/2011/01/IPM-19-vanark>
- Eichengreen B. 2011. Slowing China. *Project Syndicate*. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/eichengreen28/English>
- Wang H. H. 2010. Myth of China as a Superpower. URL: <http://helenhwang.net/2010/04/myth-of-china-as-a-superpower/>